Читателю также предоставляется возможность познакомиться с практикой рукоположения женщин в церквах лютеровской традиции (доклад *Elizabeth M. Smith*), в дохалкидонских церквах (доклад *Nikolaos Kouremenos*), в Англиканской церкви (доклад *Vassiliki Stathokosta*) и позднепротестантских деноминациях (доклад *Sotirios Boukis*).

Завершается сборник перечнем тем и вопросов, сформулированных по итогам обсуждения представленных докладов. Составители этих вопросов надеются на их публичное обсуждение в православных поместных церквах.

Сборник свидетельствует о появлении в греческом мире целой плеяды теологов, последовательно отстаивающих необходимость христианского понимания пола, которое противопоставляется гендерно-социологическому. В свою очередь, церковные служения понимаются как соответствующие различным дарам/харизмам Святого Духа. В представленных в рассматриваемом сборнике исследованиях, которые, безусловно, отвечают на определенный социальный и культурный запрос, уверенно доказывается существование полноценного рукоположения женщин в древней церкви и отстаивается важность создания в церкви полноценного диаконата, который мог бы не только решить проблему гендерной дискриминации, на практике существующей в современных церквах, но и способствовать современной церковной миссии в страдающем мире.

Надежда Белякова

Lena Gemzöe, Marja-Liisa Keinänen and Avril Maddrell (eds) (2016) *Contemporary Encounters in Gender and Religion: European Perspectives*. Cham: Palgrave Macmillan. — 364 p.

DOI: http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-348-354

Сборник статей под редакцией Лены Гемзё, Марьи-Лиисы Кейнанен и Аврил Маддрелл посвящен гендеру и религии в свете исследований современной Европы. Он состоит из пятнадцати глав, включая предисловие и послесловие, сгруппированных в шесть тематических разделов: изучение религии и гендера в рефлексивной перспективе, феминистский взгляд на религиозную маскулинность, религиозная женщина в рамках понятия «другого», альтернативная религиозность, тело в пространст-

ве и движении и феминистская теология. Открывается сборник предисловием редакторов Лены Гемзё и Марьи-Лиисы Кейнанен, которые на примере случая в Швеции с атакой на мусульманку в хиджабе предлагают в качестве исследовательской проблемы для авторов взаимоотношения феминистских исследований и религии. Тему споров о хиджабе более подробно рассматривает в своей главе Биргит Зауэр. В ее анализе тело и голова женщины-мусульманки становятся центром борьбы за определение «политики принадлежности» (*politics of belonging*), за попытку формулировки новой концепции понятия гражданства и связанных с ним политических, социальных и культурных прав.

Главы Джилл Дубищ, Хизер Уолтон, Элины Вуолы и послесловие Линды Вудхед меньше сфокусированы на эмпирическом материале и носят более концептуальный и обзорный характер. Уолтон и Вудхед работают в жанре автоэтнографии, показывая на примере своей академической карьеры развитие феминистской теологии и социологии религии соответственно. При этом глава Уолтон представляет собой скорее эссе, воспоминания автора о своем подчас тернистом пути в разработке и легитимации феминистской теологии как академической дисциплины. Вудхед от подробного рассмотрения развития гендерного подхода в социологии религии переходит к размышлениям, подытоживающим основную тему сборника. В ее интерпретации, и в этом она вторит Вуоле, в существующей академической практике гендер и религия наиболее полно рассматриваются во взаимодействии трех дисциплин: науки о религии (*religious studies*), гендерных исследований и теологии. Перспективу развития таких исследований, по мнению Вудхед, нужно искать в исследованиях *lived religion* («проживаемая религия») — религия не как феномен, а как действие, как практика.

Джилл Дубищ в заголовке своей главы ставит центральный вопрос о том, возможна ли религия без гендера, на который она дает однозначный ответ — нет. Дубищ, тем не менее, разбивает этот вопрос на два: возможно ли говорить о религии, не упоминая при этом гендер, и существует ли или может ли существовать религия без гендера. Дубищ делает акцент на том, что религия — в принципе концепт достаточно молодой и сконструированный в условиях западной иудео-христианской культуры. Упрощая себе задачу, Дубищ сразу уточняет, что под объектом гендерных исследований в первую очередь подразумевается женщина. Вопрос, таким образом, заключается не в том,

что такое религия, а в том, кто и как определяет, что такое религия. Элина Вуола более подробно рассматривает способ решения проблемы пренебрежения науки о религии и гендерных исследований предметами друг друга при помощи эффективного взаимодействия феминистской теологии, исследований религии и гендера. Вуола строит плоскостную модель взаимодействия субъектов и объектов, вводя ось инсайдер (теология) — аутсайдер (исследования религии) и нормативность (теология) — объективность (исследования религии), и делает попытку вписать в эту модель исследования гендера, для которых характерна активность на всей плоскости этих координат.

Главы Марьи-Лиисы Кейнанен и Лены Гемзё рассматривают объект гендерных исследований шире и фокусируют внимание на нарративах маскулинности. Исследование Гемзё более эмпирично, она рассматривает популярное паломничество в Сантьяго-де-Компостела в рамках гипермаскуллиного нарратива преодоления себя и преодоления трудностей на пути к духовному совершенствованию. Кейнанен на примере феномена превалирования религиозности женщин рассматривает феминистский взгляд на маскулинность в религиозном контексте. В частности, она заостряет внимание на «феминизационном тезисе» — мужчины не изучаются как гендерная категория сама по себе.

Главы Сары-Джейн Пэйдж и Лин Томас являются результатом социологических исследований гендерного и сексуального равноправия в свете религиозных традиций. Пейдж рассматривает отношение британских женщин и мужчин к гендерному равенству и сексуальной ориентации на несколько грубо и поверхностно определенной шкале «либеральные ценности — консервативные ценности», предоставляя респондентам право свободно определять свою религиозную принадлежность, и не учитывая, таким образом, глубину вовлечения в религиозную и/или церковную жизнь. Глава Томас основывается на фокус-группах, проведенных в Ирландии с двумя довольно специфически сформированными группами: «ирландками» и «мусульманками». Томас интересовали сходства и различия в повседневном опыте проживания в сообществах, ассоциирующихся с политическим насилием.

Глава Терхи Утриайнен и глава Анны Феделе и Ким Книббе фокусируются на так называемой «альтернативной религиозности», также часто называемой Нью Эйдж или неопаганизм (неоязычество). Эти движения, либо имеющие явные христианские корни, либо сформирован-

ные как ответ христианству, зачастую или уделяют женщинам огромное внимание, или преимущественно ориентированы на них. Движение «ангельского целительства», о котором пишет Утриайнен, в основном состоит из женщин, стремящихся к исцелению физическому и духовному. Последователи этого движения в основном женщины, но, тем не менее, для них не актуальны феминистские нарративы о различении и сравнении мужского и женского. Феделе и Книббе рассматривают нарративы «хорошей» (сакральной) и «плохой» (греховной) сексуальности на примерах практик «Духовной группы» в южной Голландии и различных групп паломников во Франции. В рамках посткатолического контекста и с акцентированием внимания на фигуре Марии Магдалины этими группами пересматривается и реконструируется женская сексуальность и телесность. Глава Аланы Харрис, посвященная польской монахине Марие Фаустине Ковальской, рассматривает взгляд на женскую сексуальность как способ выражения божьей благодати, который остается в дискурсе католической теологии.

Главы Аврил Маддрелл и Катриен Нотерманс, Майи Туроллы и Вилли Янсен рассматривают связь религии и гендера в пространственном измерении. Маддрелл демонстрирует гендерную иерархию в католическом святилище на Мальте. Через гендерную организацию и управление пространством показано патриархальное доминирование в литургии и женское поддержание порядка, функционирования и режима доступа в святилище под личным покровительством Девы Марии. Нотерманс, Туролла и Янсен рассказывают о глубоком личностном кризисе африканских мигранток во Франции, оторванных от привычной ситуации богатой сети взаимодействий в расширенной семье. Основной попыткой выхода из этого кризиса служит активное участие в религиозных практиках, особенно в паломничестве к святыням, связанным с Девой Марией — покровительницей материнства, и в молитвенных группах.

В предисловии Лена Гемзё и Марья-Лииса Кейнанен ставят вопрос о «двойной слепоте» — о пренебрежении вопросами гендера со стороны современной науки о религии и аналогичной ситуацией с религией в гендерных дисциплинах. Авторы указывают на то, что религия в основном рассматривается феминистскими исследовательницами как одно из многих средств подавления и насаждения патриархальной иерархии, а исследователи религии, в свою очередь, не уделяют должного внимания роли женщины как са-

мостоятельного субъекта, рассматриваемого либо вне, либо помимо довлеющей роли религиозных лидеров-мужчин. Эпизод с атакой на мусульманку в хиджабе в 2013 году в Стокгольме, с которого начинается предисловие, иллюстрирует актуальность трех основных тем сборника, которые по задумке коллектива авторов должны быть рассмотрены как комплексный феномен. Три эти темы можно условно обозначить как религия, гендер и Европа.

Как каждая из трех тем, взятая по отдельности, так и их взаимодействие в разносторонних исследованиях авторов сборника является в значительной мере проблематичным. Авторы, включая авторов предисловия — редакторов всего сборника Гемзё и Кейнанен — охотно признают и анализируют эту проблематичность, однако в достаточно разной степени. В оставшейся части рецензии я рассмотрю каждое из трех указанных направлений по отдельности, в зависимости от того, насколько их проблематичность раскрыта в сборнике, а также то, как авторы связали их воедино. Забегая вперед, отмечу, что именно последнее удалось авторам лучше всего. К счастью, именно эта задача и лежала в основе сборника.

Европа, как общий кейс для авторов сборника, представлена скорее как географический фокус, нежели как какая-то культурная общность. Действительно, начиная с предисловия, а также в главах Зауэр, Пэйдж, Томас и Нотерманс и др., Европа представляется местом, подчас даже ареной, столкновения различных культурных дискурсов, один из которых представлен местным мультикультурным образом жизни, а другой — как правило, более консервативной религиозной традицией эмигрантов. Несмотря на то, что Европейский фокус исследований всей монографии вынесен в общий заголовок, в должной мере проблематизирует проблему Европы как специфического феномена или кейса для исследований религии и гендера лишь глава Биргит Зауэр о мусульманках в Европе, покрывающих тела, головы и лица. Зауэр рассматривает дебаты о допустимости хиджаба в европейских странах в свете государственных преобразований, неолиберальной экономики, вопросов миграции и законодательства. Большинство остальных глав рассматривают Европу как самоочевидный географический контекст, в котором доминирующий либеральный подход к вопросам гендера, религии и образа жизни в целом сталкивается с консервативными устоями религиозных эмигрантов и на разных уровнях противостоит им.

Как известно, Европа в принципе является сконструированным концептом политической

географии, не имеющим смысла в географии физической. Тем актуальнее встает вопрос о «Европе», о которой говорят большинство из глав сборника. В большинстве глав сборника местом действия является так называемая «западная Европа» — хотя и проблематичный, но интуитивно и конвенционально понятный политический контекст. Тем не менее, разнообразность и собственно мультикультуральность западной Европы принимается как само собой разумеющийся дискурс, без должной дискуссии или рефлексии. Кроме того, глава Аланы Харрис посвящена жизни святой сестры Фаустины в Польше (т. е. в восточной Европе), а действие главы Лены Гемзё и частично главы Анны Феделе и Ким Книббе происходит в Испании и южной Франции, соответственно, что относится скорее к южной Европе. Самоочевидность Европы как географического фокуса приводит к поверхностному осмыслению специфичности Европы как концептуального и методологического ограничения темы исследований авторов.

Религия, пожалуй, является самым проблематичным и наименее отрефлексированным концептом. Религия в сборнике в основном определяется конвенционально, что давно уже несет за собой целый ряд проблем в социальных науках. Важно, однако, отметить акцент авторов сборника, заявленный еще в предисловии, на понимании религии через то, как она практикуется (с. 13). Если авторам сборника в основном и удалось достичь этой цели, то исключительно в рамках отношения религии и гендера. Лишь Джилл Дубищ ставит совершенно оправданный вопрос не о том, как определяется религия, а о том, кто ее определяет (с. 35–37). Хотя эта цель являлась основной при создании сборника, я бы все же не стал пренебрегать рефлексией на тему проблематичности самого понятия «религия», в первую очередь его явными авраамическими корнями. Даже «альтернативная религиозность», являясь своего рода ответом на христианскую религиозность, остается в ее теологических рамках.

В свою очередь, нарративам гендера уделяется гораздо более пристальное внимание. Авторы сборника в разных контекстах признают сфокусированность гендерных исследований прежде всего на проблемах женщины, сформированную под давлением политических и исторических факторов. При этом сразу два автора, Кейнанен и Гемзё, в полной мере раскрывают проблему маскулинности в гендерных исследованиях и даже пытаются выйти за пределы феминистского ее понимания. Пожалуй, наиболее полно проблемы гендерных исследований раскрыты в попыт-

ках поиска общего исследовательского поля в изучении религии и гендера. Ключевыми статьями в этом вопросе являются предисловие Гемзё и Кейнанен, послесловие Вудхед и глава Вуолы. Для решения проблемы «двойной слепоты» в науках о религии и гендерных исследованиях они предлагают, как уже говорилось выше, обратиться к подходу *lived religion*, то есть рассматривать религию как проживаемую реальность и как практику.

Актуальность выхода сборника *Contemporary Encounters* трудно переоценить. Заявленная авторами проблема «двойной слепоты» серьезно ограничивает как исследователей религии, так и гендера. Хотя эта проблема довольно успешно решается множеством исторических и антропологических исследований, авторы справедливо указывают на недостаточное развитие подхода в религиоведении, социологии и теологии. В этой связи, мультидисциплинарный сборник с блестящим составом авторов — ведущих в своих областях социальных наук — является не просто своевременным ответом на вызовы в исследованиях гендера и религии, но и отлично справляется с задачей разностороннего анализа и честного освещения этих вызовов.

Игорь Микешин

Роль текста и контекста в становлении науки о религии

Рецензия на: Arie L. Molendijk (2016) *Friedrich Max Müller and the Sacred Books of the East*. New York: Oxford University Press. — 230 p.

DOI: http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-354-363

В последние годы в мировом религиоведении можно наблюдать интерес к изучению истории дисциплины. Этому пример вышедшая в 2016 году в издательстве оксфордского университета книга Арие Молендийка «Фридрих Макс Мюллер и Священные книги Востока». Этот труд представляет интерес по нескольким причинам. Во-первых, несмотря на то, что творчеству Макса Мюллера было посвящено достаточно много исследований, лишь две работы отчасти[2] уделили внимание главному

2. См. Sun, A. (2013) *Confucianism as a World Religion. Contested Histories and Contemporary Realities*. Princeton and Oxford: Princeton University Press; Girardot, N.J. (2002) *The Victorian Translation of China. James Legge's*